

ПРИВАВЛЕНІЯ

къ

ДУХОВНОМУ ВѢСТНИКУ

ГРУЗИНСКАГО ЭКЗАРХАТА.

1-го іюля

№ 13-й.

1892 года.

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ГРУЗИЮ

1637—1640 гг.

*(Извлеченіе изъ диссертациіи С. Блюхурова. Арсеній Сухановъ, ч. 1.
Москва. 1891 года).*

(Продолженіе *).

25-го іюня 1637 года посольство выѣхало изъ Москвы и только 10-го октября прибыло на Терекъ, послѣдній русскій городъ по дорогѣ въ Грузію, за которымъ начинались земли различныхъ кавказскихъ владѣтельныхъ князей. Здѣсь, на Теркѣ, послы пробыли до первой недѣли Великаго поста, сперва дожидаясь возвращенія посланнаго ими изъ Астрахани гонца Юшки, а потомъ болѣе исправной дороги. Юшка, прибывшій на Терекъ 18-го ноября, привезъ посламъ письмо отъ царицы Христины, въ которомъ она увѣдомляла ихъ, что царя Теймураза въ настоящее время нѣтъ въ Грузіи, что онъ уѣхалъ въ Башачикскую землю (Имеретію) къ царю Юрью и къ его сыну, а къ своему зятю, царевичу Александру, для заключенія мирнаго договора съ Дадіанскимъ княземъ и Гурѣльскимъ царемъ, и просила ихъ подождать ѣхать въ Кахетію до возвращенія Теймураза, обѣщаясь съ своей стороны увѣдомить ихъ объ этомъ. Въ то же время посланный терскими воеводами для собранія свѣдѣній о дорогѣ въ Грузію сынъ боярскій донесъ, что „въ горахъ укинули снѣги вели-

* См. Дух. Вѣстн. Груз. Экзарх. № 11-й.

кие и пройти въ Грузію нынѣ осенью затѣмъ немочно“. Посламъ такимъ образомъ пришлось въ г. Теркѣ зимовать.—13-го февраля 1638 г. они послали опять гонца въ Кахетію съ прежнимъ вопросомъ: тамъ ли царь Теймуразъ? На этотъ разъ царь оказался въ Кахетіи; но онъ просилъ пословъ подождать ѣхать къ нему, такъ какъ та дорога, черезъ которую русскіе послы ранѣе того ходили, пролежала черезъ Аристонову землю, который де недавно отложился отъ него, Теймураза, а новая дорога имъ еще не найдена. Послы подождали около мѣсяца по возвращеніи (6-го апрѣля) своего гонца, и, не дождавшись все таки никакого извѣстія отъ Теймураза, отправились въ Кахетію. На основаніи наказовъ, данныхъ имъ въ Москвѣ, они теперь, начиная съ Терка, должны были заботиться, каждый самъ о себѣ—какъ, на чемъ и въ чемъ ѣхать имъ; каждый самъ долженъ былъ купить для себя и на свои средства лошадь, телѣгу и всю конскую сбрую, или нанять для себя подводы. Сборы эти потребовали не мало времени и денегъ, такъ какъ за все посламъ пришлось платить дорогою цѣною—вдвое и втрое дороже, чѣмъ въ Москвѣ, какъ писали они впослѣдствіи въ своихъ челобитныхъ.

4-го мая 1638 г., „назавтрѣ Вознесенья“, послы двинулись съ Терка по направленію къ Грузіи; но дойдя до „Мундаровой Кабарды“, они должны были остановиться за невозможностью итти далѣе, такъ какъ дорога въ Грузію „не была расчищена“; они пробыли здѣсь болѣе мѣсяца (32 дня), терпя всякую нужду, перенося и холодъ и голодъ. Провизіи, которую они захватили съ собою, оказалось мало и потому вскорѣ же открылся у нихъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: сами послы принуждены были ѣсть „въ Петровъ постъ просяную кашу, а по-черкаски—посту, а служивые люди—мясо всякое“¹⁰⁸). Для лошадей ихъ также почти не было корму, нѣкоторые изъ нихъ и пали съ голоду; наконецъ, стали заболѣвать и люди. Послы рѣшили воротиться назадъ на Терекъ.—тѣмъ болѣе, что они не получали никакихъ извѣстій отъ царя Теймураза, а жизнь ихъ между тѣмъ подвергалась опасности, кромѣ голодной смерти, еще отъ князя Аристопа, недавно отложившагося отъ царя Теймураза и старавшагося захватить ихъ въ свои руки.

¹⁰⁸) А. М. И. Д. Грузинскія дѣла 1640 г. февраль 17-го (д. № 2). Челобитная кн. Волконскаго, поданная имъ по возвращеніи изъ путешествія.

7-го июля Теймуразъ прислалъ къ посламъ на Терекъ двухъ своихъ азнауровъ съ приглашеніемъ ѣхать къ нему и чрезъ нѣсколь-ко дней (19-го июля) они отправились во второй разъ изъ Терка въ Грузію. Рѣка Терекъ въ это время разлилась широко „и нискія и волныя мѣста и протоки всѣ были полны водою“¹⁰⁹), „воды почти вездѣ вплоть до Кабарды были безъ мѣры велики“; переѣзжать ихъ приходилось часто и притомъ „съ великою нужею“; при этомъ въ довершеніе всѣхъ несчастій, посламъ приходилось давать и довольно часто подарки различнымъ горскимъ князьямъ, чтобы послѣдніе, не задерживая ихъ, пропускали дальше. 27-го июля послы благополучно прибыли въ Кабарду, „подъ Мундара“, гдѣ пробыли три дня, а 30-го пришли къ „Хавсинымъ щелямъ“. Здѣсь встрѣтили пословъ два азнаура Теймураза вмѣстѣ съ подводами и небольшимъ числомъ провожатыхъ; послы отпустили назадъ провожатыхъ, данныхъ имъ съ Терка, и подъ новою охраною отправились въ дальнѣйшій путь „горами и гребенями“ навстрѣчу царю Теймуразу, который дожидался ихъ въ нѣкоторомъ разстояніи. 4-го августа послы пришли на станъ, „не доходя царева стану съ полверсты“; на другой день они отправились далѣе, а Теймуразъ шелъ сзади ихъ „для берегови“. Теперь вмѣсто опасности быть убитымъ какими-либо горцами для пословъ наступила новая опасность паденія въ пропасть, такъ какъ они переходили черезъ Кавказскій горный хребетъ. Рано утромъ 5-го августа они пошли „на гору осынную, на снежной поясъ“. „И на той горѣ посламъ и всѣмъ государевымъ людямъ были изроны и лошедемъ изтери немалыя“; „много лошадей съ горъ попадало, иныя съ сѣдлами, иныя съ выюками“. Такая трудная и опасная дорога „горами, косогорами, гребнями и всякими тѣсными непроходными мѣсты и водами“ тянулась въ теченіе 10-ти дней, пока послы не прибыли (12-го августа) „въ Грузинскую землю, въ Кахетъ“. Здѣсь они сперва имѣли пребываніе въ одной деревушкѣ, въ недалнемъ разстояніи отъ стана Теймураза, а съ 1-го сентября, когда послѣдній переѣхалъ въ Георгіевскій Алавердинскій монастырь¹¹⁰), послы подвинулись къ этому монастырю и жили въ весьма близкомъ разстояніи отъ него.

¹⁰⁹) *Ibidem*, челобитная Суханова.

¹¹⁰) Находящійся въ 15-ти верстахъ къ сѣверо-западу отъ г. Телавъ;

Въ Алавердинскомъ монастырѣ послы чрезъ нѣсколькѣ дней (9-го сентября) и исправили обычное посольство „на прїѣздъ“. „Уредеся по обычаю посольскому на посольство“, они поѣхали на лошадахъ, присланныхъ за ними Теймуразомъ; впереди ихъ ѣхали царскіе азнауры, а сзади—архимандритъ Іосифъ съ товарищами. У воротъ монастырскихъ пословъ встрѣтили два священника и діаконъ въ ризахъ съ образами и св. евангеліемъ, къ которымъ они и прикладывались, между тѣмъ какъ грузинскіе священники и діаконъ благословлялись у нашего архимандрита; посрединѣ монастырскаго двора ихъ встрѣтилъ одинъ изъ совѣтниковъ Теймураза—Ревазъ-бей. Войдя въ „полату“, гдѣ сидѣлъ царь, послы приняли благословеніе у находившагося здѣсь архіеп. Зеведея, сказали рѣчь по данному наказу, во время которой всѣ стояли, и подали государеву грамоту и подарки; послѣ нихъ архимандритъ Іосифъ исправилъ Теймуразу благословеніе отъ патр. Іоасафа, произнесъ рѣчь по наказу и поднесъ царю патриаршіе образъ Живоначальныхъ Троицы и грамоту. Когда послы подходили „къ рукѣ“ Теймураза, послѣдній у архимандрита Іосифа „благословился и въ руку архимандрита цѣловаль“. Вопросы о здоровьи пословъ и объ ихъ путешествіи окончился пріемъ.

На другой день, 10-го сентября, послы, по приглашенію царя, были у обѣдни, которую совершалъ самъ архіепископъ; это было первое богослуженіе, которое они видѣли въ Грузіи. Церковь, въ которой служили, была трехпрестольная, но въ двухъ придѣлахъ не было иконостаса и потому она казалась однопрестольной. Главный престоль былъ восьмиугольный, а престолы придѣльные были примкнуты къ стѣнамъ, такъ что кругомъ ихъ нельзя было ходить. Когда послы пришли въ церковь, въ которой находился и царь Теймуразъ съ своимъ семействомъ и азнаурами, архіепископъ уже стоялъ среди церкви на коврѣ, а остальные служащіе, которыми проскомидія была уже совершена, находились въ алтарѣ. Послѣдніе, выйдя изъ алтаря, облачили архіепископа въ святительскія одежды; на бывшій на немъ черный кафтанъ надѣли „парамандъ“, стихарь, „патрахѣль“, подпоясали его простымъ поясомъ, надѣли поручи, сакъ, „на лѣвой бедрѣ полицу“, амфоръ и крестъ. Затѣмъ изъ алтаря принесены были крестъ деревянный, рѣзной, греческой работы и зажженная тройная свѣча, „какъ бываетъ въ мірскихъ церквахъ въ великій постъ на прежеосвященныхъ“; архіепископъ, взявъ ихъ въ правую руку, всталъ

около алтаря, „поднялъ руки и персты розтопырилъ“ и обращался на все четыре стороны, „будто осѣнялъ обѣма руками“. Возвратившись на свое мѣсто, онъ вмѣстѣ съ стоявшими на правомъ крылосѣ двумя епископами и однимъ мѣрскимъ человѣкомъ пѣлъ „долго, мало не часъ времени“, послѣ чего былъ совершенъ отпускъ; по отпускѣ „кабы мало главы преклонили, какъ мочно, слово другое молвить“, и начата была литургія. Архим. Іосифъ занесъ въ свой статейный списокъ немало замѣчаній относительно ея совершенія въ грузинской церкви, замѣчаній главнымъ образомъ, если не исключительно, относительно дѣйствій при этомъ священнослужителей, такъ какъ относительно ихъ пѣнія и возгласовъ онъ не разъ говоритъ, что они пѣли „невѣдомо что“, „у насъ никто языка ихъ не знаетъ“. Онъ замѣчаетъ, что архіепископъ „входу и молитвъ архіерѣйскихъ не говорилъ и не дѣйствовалъ и книга у него въ рукахъ не бывала“, что во время малаго входа архіепископъ цѣловаль евангеліе въ верхній край, „а не въ подножіе Распятія Христова“, что въ „апостольскую аллилую“ по чину дьяконъ къ архіепископу и служащимъ „креста не подносилъ“; относительно чтенія евангелія замѣчаетъ, что діаконъ евангеліе держалъ въ лѣвой рукѣ, а читалъ его по простой книгѣ, по которой ранѣе читалъ апостоль, и, прочтя, отдалъ ее „мужику“, а евангеліе подаль архіепископу; во время великаго входа архіепископъ, принявъ дискосъ и чашу, поставилъ ихъ на престолѣ, „не показавъ на церковь“; послѣ него „не затворили царскихъ дверей завѣсою“, такъ что все люди видятъ, „какъ совершаютъ тайную жертву“; по возгласѣ діакона: *возлюбимъ другъ друга* не бываетъ между служащими цѣлованія въ уста, вмѣсто этого они „другъ съ другомъ главами съ обѣихъ сторонъ стыкаютца“; при произнесеніи словъ: *примите, ядите* архіепископъ вмѣсто того, чтобы показать на агнецъ „двѣма персты, — „поводить надъ дискосомъ всею рукою, длань вверхъ держа“; относительно дальнѣйшихъ дѣйствій до причащенія Св. Тайнъ онъ замѣчаетъ, „кабы походили на службу“, и пр. Архимандритъ сообщаетъ также, что въ грузинской церкви „служать литургію надъ четырьмя просфирами, а больше четырехъ просфиръ не бываетъ“¹¹⁰⁾, что у архіепископа посохъ греческой, рога вверхъ

¹¹⁰⁾ «Просфиры лепешечного тѣста пекутъ, квасово (*sic*) же тѣста оставляютъ, соль кабы есть; знаменіе крестное и имя Христово на просфирѣ кабы знать». А. М. И. Д. Грузинскій статейный списокъ № 4, лл. 17 об.—23.

загнуты, за сукла мѣсто носить платъ — таѣтица тонкая; панакѣи и орлеца у него нѣтъ „да и не бывало и не знаютъ того“.

По окончаніи литургіи послы приглашены были царемъ Теймуразомъ на обѣдъ, котораго имъ пришлось подождать немалое время, пока повара принесли и поставили заразъ все приготовленное къ обѣду. Одинъ изъ грузинскихъ священниковъ прочиталъ „Отче нашъ“, а архіепископъ, „сидя, руку мало приподнял и, персты растопыря, показавъ тѣмъ дѣломъ, кабы благословилъ естъ“. Послѣ обѣда послы возвратились домой.

(Продолженіе будетъ).

Почему Христіанская Православная Церковь, въ противоположность Католической и Протестантской, въ своемъ богослуженіи не допускаетъ музыки, а ограничивается однимъ только пѣніемъ?

Христіанская Православная Церковь въ своемъ богослуженіи довольствуется однимъ только пѣніемъ, между тѣмъ какъ католическая и протестантская церкви, помимо пѣнія и даже преимущественно предъ нимъ, употребляютъ органы и инструментальную музыку. Подобная разность не можетъ не обращать на себя вниманія и не требовать разъясненія, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя нетвердыя души изъ православныхъ, по своему легкомыслію, выражаютъ даже сожалѣніе, почему и Православная Церковь для усиленія благолѣпія въ богослуженіи не употребляетъ музыки? Въ настоящемъ собесѣдованіи мы постараемся раскрыть предъ вами, православные, тѣ основанія, почему наша Церковь, въ противоположность церквамъ католической и протестантской, въ своемъ богослуженіи не допускаетъ музыки, а ограничивается однимъ только пѣніемъ.

Пѣніе и музыка были однимъ изъ древнихъ изящныхъ искусствъ, въ которомъ внутренняя жизнь человѣка и его личныя чувства нашли себѣ соотвѣтствующее выраженіе и удовлетвореніе. У всѣхъ народовъ классической древности пѣніе и музыка имѣли весьма важное значеніе въ ихъ частной и общественной жизни, доставляя одно изъ высшихъ духовныхъ наслажденій, доступныхъ человѣку. По свидѣтельству Плутарха, музыка почиталась нѣкогда священной, не до-

пускалась въ театрахъ и назначалась только при воспитаніи для облагороженія чувствъ и при богослуженіи. Полибий утверждаетъ, что жители Цинета, въ Аркадіи, одичали отъ того, что они пренебрегали музыкой; напротивъ спартанцы и граждане Крита становились нравственнѣе, такъ какъ они приучали своихъ дѣтей играть на флейтѣ, трубѣ и другихъ музыкальныхъ инструментахъ (*Hist. lib. IV*). Музыка въ соединеніи съ поэзіей должна была, по выраженію Платона, „дѣйствовать противъ негармоническихъ движеній души“ (Ср. мнѣю объ Орфеѣ, изученіе музыки Пифагорейцами). Въ богослуженіи пѣніе и музыка введены были едва-ли не съ появленіемъ послѣдняго и отъ него получили свое развитіе и направленіе. Молитвенныя собранія и жертвоприношенія язычниковъ, празднества и процессіи, которыя, большею частію, были религіознаго характера, всегда сопровождались пѣніемъ и музыкой. У Евреевъ, избраннаго народа Божія, пѣніе и музыка пользовались такимъ же вниманіемъ и уваженіемъ и повидимому были предметомъ обученія въ пророческихъ школахъ (1 Цар. 10, 5). О пѣніи Евреевъ въ соединеніи съ инструментальной игрой упоминается уже въ отдаленнѣйшее время при торжествѣ послѣ перехода чрезъ Черное море, при взятіи Иерихона (Исх. XIV, 32; XV, 20; Ис. Н. VI, 3, 19). Изъ свидѣтельства книги Числъ (10, 2—10) и 2-й кн. Паралипомень (29, 25) можно заключать, что пѣніе и музыка введены были въ богослуженіе при Моусеѣ. Вообще оба искусства у евреевъ служили по преимуществу цѣлямъ прославленія Иеговы и отличались религіознымъ характеромъ, какъ и самыя пѣсни этого народа были выраженіемъ его религіозно-лирическаго настроенія. Наивысшаго развитія храмовое пѣніе и музыка достигли у евреевъ при царяхъ Давидѣ и Соломонѣ, о чемъ свидѣлствуютъ громадный хоръ пѣвцовъ, устроенный царемъ Давидомъ, и множество инструментовъ, употреблявшихся при богослуженіи (2 Пар. 5, 12, 13; VII, 6; XXIX, 25; Исх. XV, 20; Числ. X, 2—10; Ис. Н. VI, 4; Пс. XXXII, 2; 96, 4). Съ уничтоженіемъ политической самостоятельности и съ забвеніемъ истиннаго богопочтенія, хотя и пало у евреевъ искусство пѣнія и музыки, однако продолжало существовать до дней Спасителя. Но говоря о пѣніи и музыкѣ вмѣстѣ, мы далеко однако были бы неправы, если бы предположили, что то и другое искусство у древнихъ народовъ обладало одинаковою самостоятельностью. Правда, пѣніе и музыка составляли

одно нераздѣльное искусство, но пѣніе, которое было почти равнозначуще съ словомъ поэзія, всегда болѣе обращало на себя вниманія и занимало первенствующее положеніе. Библия болѣе и первѣе говоритъ о пѣвцахъ, чѣмъ о музыкантахъ; у Гомера нигдѣ не упоминается объ игрѣ на какомъ-ли инструментѣ въ отдѣльности отъ пѣнія. Инструментальная музыка не имѣла въ древности самостоятельнаго значенія ни въ лирической, ни въ драматической поэзіи, ни при богослуженіи. Она служила поэзіи и сопровождала пѣніе, сообщая словамъ пѣвцовъ болѣе оживленія, усиливая впечатлѣніе пѣнія на чувства и фантазію слушателя. Только съ появленіемъ христіанскаго богослуженія пѣніе и музыка отдѣляются другъ отъ друга и уже на почвѣ христіанской отысканы, неизвѣстные древнимъ, основные законы для самостоятельнаго развитія того и другаго искусства.

Употребленіе пѣнія въ христіанской Церкви ведетъ свое начало отъ Иисуса Христа и чрезъ Него имѣетъ слѣдовательно корень въ еврейскомъ храмовомъ пѣніи. По свидѣтельству Евангелистовъ (Мтѣ. XXVI, 30 и Мрк. 14, 26), Иисусъ Христосъ по окончаніи тайной вечери воспѣлъ и тѣмъ освятилъ пѣчіе въ христіанскомъ богослуженіи. По примѣру Его, и апостолы въ своихъ собраніяхъ также возносили свои молитвы съ пѣнопѣніемъ къ Богу и завѣщали послѣдующимъ христіанамъ вразумлять другъ друга псалмами, славословіемъ и пѣнями (1 Кор. 14, 26; Кол. 3, 16). И первыя общины христіанъ назидались и услаждались пѣніемъ отчасти псалмовъ царя и пророка Давида, отчасти своего собственнаго сочиненія (Письмо Плин. къ Траян., Тертул. апол. гл. 39). Инструментальная іудейская музыка была оставлена и совершенно исключена изъ богослуженія. Въ 1-е время она не употреблялась, можетъ быть, потому, что чинъ богослуженія не вполне сформировался, а вѣроятно потому, что религія христіанская—по преимуществу религія духа и всегда чуждалась всякихъ внѣшнихъ возбуждающихъ эффектовъ. Но затѣмъ настали времена гоненій, когда христіане не смѣли думать о какомъ-либо осложненіи и великолѣпіи своего богослуженія, когда должны были прятаться по подземельямъ и катакомбамъ и стараться о томъ, чтобы отстранить всякое подозрѣніе относительно мѣстъ своихъ собраній. Но главною причиною исключенія музыки изъ богослуженія было желаніе отличить христіанство во всемъ отъ язычества, допускавшаго при богослуженіи инструментальную музыку, испорченную сладострастными и

чувственими композиціями. Такимъ образомъ, украшеніємъ и принадлежностію богослуженія новой религіи было пѣніе. По внѣшней сторонѣ своего исполненія оно не лишено было нѣкотораго разнообразія и оживленія. Пѣль или одинъ пѣвецъ, а народъ заканчивалъ послѣдніе стихи пѣсни, или мущины и женщины чередовались въ пѣніи, или наконецъ тѣ и другія сходились вмѣстѣ и пѣли однимъ хоромъ. Общее воодушевленіе, взаимная любовь и руководство Св. Духа вели къ единомушійю и созвучію голосовъ въ пѣснопѣвнѣхъ Богу. Такъ какъ члены общества большею частію происходили изъ простаго народа и проникнуты были сильнымъ религіознымъ чувствомъ, которое скорѣе слѣдовало сдерживать, чѣмъ возбуждать, то и пѣніе ихъ отличалось своею простотою и безыскусственностію (Август. *Confess.* X, с. 33; Θεодорит. 7. *Histop. pelig c.* 17). По своимъ мотивамъ христіанское пѣніе первыхъ вѣковъ примыкало къ еврейскому храмовому. Первыми пѣснями для Иисуса Христа и апостоловъ и образцами для составленія новыхъ служили псалмы Давида, и очевидно съ тѣмъ напѣвомъ, которымъ они пѣлись въ храмѣ іерусалискомъ. Вотъ что говоритъ о пѣніи первыхъ христіанъ Климентъ Александрійскій: „глубокая древность, естественность и величественная простота пѣнія іудейскаго должны оправдывать выборъ онаго для богослуженія христіанскаго“ (*стпом. l. I. с. VI. Bibl. patp. t. III p.* 183). Но по мѣрѣ распространенія христіанства среди язычниковъ, въ богослуженіе стали проникать мѣстные національные напѣвы, преимущественно греческіе. При отвращеніи язычниковъ ко всему іудейскому, при богатствѣ и высоко-художественномъ развитіи греческихъ мотивовъ трудно было еврейскимъ мелодіямъ выдержать борьбу съ греческими. И Церковь допускала греческое искусственное пѣніе (Ориг. *Comm. in ps.* 59), только заботилась о томъ, чтобы оно было согласно съ духомъ христіанской религіи и не нарушало святости и важности мѣста богослуженія. Особенное вниманіе пѣніе обратило на себя въ IV в... Христіанская религія въ IV в. сдѣлалась господствующею въ государствѣ, и богослуженіе христіанъ стало совершаться со всею пышностію и великолѣпіемъ. Торжественность богослуженія, обиліе пѣснопѣвнѣй, требовавшихъ новыхъ мотивовъ, внѣшнее умиротвореніе Церкви, располагавшее къ художественнымъ наслажденіямъ, должны были повліять на усовершенствованіе Цер-

ковнаго пѣнія. Но помимо этихъ причинъ, были и внѣшнія побужденія, заставлявшія приложить всѣ старанія къ улучшенію пѣнія. Различныя еретики—аріане, мелетіане, донатисты, сознавая силу пѣнія, старались свои заблужденія чрезъ него провести въ народъ. Они излагали свои лжеученія въ стихахъ, перелагали ихъ на искусныя мотивы и распѣвали ихъ въ публичныхъ процессіяхъ. Греки, избѣженные и избалованные сладкими звуками и пріятными ощущеніями въ театрахъ и циркахъ, охотно посѣщали ихъ собранія и съ пѣніемъ незамѣтно усваивали ихъ ложныя мысли.

Съ тѣмъ же оружіемъ выступили противъ еретиковъ Отцы и Учители Церкви—Аванасій В., Василій В., Іоаннъ Златоустъ, Григорій Назіанзинъ, Ефремъ Сиринъ и др. Страстнымъ, возбуждающимъ мелодіямъ сектантовъ они противопоставили свои, сложенныя тоже при помощи искусства, но по своей торжественности, величавости и простотѣ наиболѣе приличествующія святости богослуженія. Но заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что какъ ни сильно было увлеченіе искусственнымъ пѣніемъ, какъ ни настоятельно было требованіе ввести въ церковное богослуженіе болѣе разнообразныя мотивы, однако мы не находимъ ни устранныхъ поклонниковъ искусственнаго пѣнія, ни у еретиковъ, свободно относившихся къ этому искусству пѣнія, попытокъ примѣнить музыку инструментальную къ Богослуженію. Замѣчательно въ этомъ отношеніи то единодушіе, съ какимъ Отцы Церкви высказались объ инструментальной музыкѣ евреевъ. Они смотрѣли на музыку при богослуженіи, какъ на ступень уже пройденную человѣкомъ, и объясняли употребленіе ея въ храмѣ іудейскомъ грубостію и чувственностію Евреевъ, не развившихся еще до болѣе духовнаго прославленія Іеговы. Въ сочиненіи *Quaest. ad. ophthodox.*, приписываемомъ Іустину Мученику, говорится по этому поводу: „пѣть на инструментахъ неодушевленныхъ и кроталахъ прилично дѣтямъ, или непришедшимъ въ разумъ, почему въ церквахъ и недопущено пѣсеней на такихъ орудіяхъ, какъ и все свойственное несовершеннымъ въ разумѣ, напротивъ положено пѣть просто“ (Истор. обз. пѣсен. Фил. Черн. стр. 264). Въ такой же формѣ выражается и Іоаннъ Златоустъ: „Богъ дозволилъ іудеямъ употребленіе органовъ по ихъ лѣности и грубому чувству. Онъ хотѣлъ симъ средствомъ помочь ихъ немощи, отклонить отъ идоловъ; но теперь вмѣсто органовъ позволено прославлять Бога дѣломъ“. (Нот. т. ps. 144,

149; *Hom. 4 ad pop. Antioch.* ср. Исидора Пелусиота и Феодорит. *in ps.* 49) Подобный взгляд на музыку вполне разделяли и Отцы Западной Церкви. Блаженный Августинъ въ объясненіи на пс. 82 говоритъ: „лиры и органы должны быть отвергаемы церковью, потому что ихъ употребляютъ язычники для роскоши и похоти въ театрахъ, собраніяхъ и жертвоприношеніяхъ“. Нерасположеніе къ музыкѣ доходило до того, что *Апостольскія постановленія* запрещаютъ давать крещеніе играющимъ на *скрипкѣ, арфѣ и на лирѣ*. Такое отвращеніе и даже жестокость къ игрѣ на инструментахъ можно объяснить только тѣмъ, что тогда не было чисто христіанской музыки, языческая же слишкомъ была профанирована и по своему характеру оскорбляла достоинство христіанскаго богослуженія.

Задачею первенствующей Церкви было нравственно поднять погрузившееся въ чувственность челоѣчество, пробудить въ немъ угасшее религіозное чувство и сообразно этой великой цѣли она употребляла соотѣтствующія средства. Изгоняя изъ богослуженія инструментальную музыку, вооружаясь противъ театральности и изысканности церковныхъ напѣвовъ (І. Златоустъ, Василий В., Иеронимъ), Церковь устраняла тѣмъ все, что могло произвести соблазнъ въ вѣрующихъ и нарушить торжественную святость богослуженія. Поэтому ей, кромѣ борьбы съ еретиками, предстояло оградить достоинство пѣснопѣвнй со стороны невѣжества и искаженія.

Преподаватель Тифлисской духовной Семинаріи *Я. Чрединъ*.

(Продолженіе будетъ).

Разныя извѣстія и замѣтки.

Николай Заозерскій. О священной и правительственной власти и о формахъ устройства православной церкви. Москва. 1891 года.

Настоящая книга представляетъ собою отдѣльное изданіе статей доцента Н. А. Заозерскаго, печатавшихся въ прекратившемся нынѣ журналѣ «Православное Обозрѣніе». Цѣль автора, указываемая имъ въ предисловіи, — «представить попытку рѣшенія вопроса о церковной власти по его существу съ точки зрѣнія положительнаго права православной церкви и исторіи ея устройства». Соотѣственно этому содержаніе книги можно раздѣлить на двѣ части: *теоретическую*, которая занимается раскрытіемъ понятія *церковная власть*, и *историческую*, представляющую примѣненіе выведенной теоріи къ характеристикѣ разныхъ формъ

правительственной организации, существовавших прежде и существующих в православной церкви.

Давая в первой части общее понятие о церковной власти, определяя ее характер и указывая классификацию различных церковных «полномочий» в западной канонической науке, автор, «применительно к каноническому праву восточной православной церкви», приходит к выводу, что «церковная власть вообще двух родов: священная и правительственная. Первая подразделяется на три вида: *священнослужение, учение и пастырство*. Все эти три вида происхождения божественного: они даны Апостолам и их преемникам Самим Основателем церкви, едины и неизменны в церкви и в своем действовании независимы от внешнего положения церкви. В отношении к носителям их они способны к разделению на степени высшие и низшие, и в этом своем свойстве служат основанием существования в церкви богоустановленной иерархии. Содержание второй власти церкви—правительственной исчерпывается тремя полномочиями—*законодательства, надзора и суда*. Отличительный характер их по сравнению с полномочиями священной власти состоит в том, что каждый акт приложения их направлен к *внешнему* благоустройству церкви, как общественного установления, тогда как приложение полномочий священной власти имеет в виду воздействие исключительно на *духовный, внутренний мир* каждого в отдельности члена церкви. Учение, священнодействие и пастырство (под которыми автор разумет «отечески-попечительное отношение христианского священника к вверенным ему духовным чадам») имеют в виду исключительно религиозно-нравственную область человеческой личности; сфера же правительственных действий церковной власти—исключительно сфера внешних явлений, посему и каждый акт этой власти имеет *юридический* характер. Есть существенное различие и в *способе применения* полномочий той и другой власти. Полномочия священной власти осуществляются иерархическими лицами исключительно, каждым в *меру*, точно определенной, при чем мирянин не имеет никакого права вмешиваться с своим участием в отправлении клириком обязанностей представленного ему служения; для получения этого права ему нужно сделаться клириком, это, таким образом, полномочия в собственном смысле клирические—*potestas ordinis*, —(Анкир. соб. пр. 1). Между тем применение полномочий правительственной власти лицами иерархии и церковными учреждениями должно совершаться, по духу восточной церкви, по возможности с участием всего общества церкви: *здесь и миряне, члены церкви, имеют право участия, имеют свой голос*. Этим участием мирского элемента в осуществлении иерархией полномочий церковно-правительственной власти обуславливается и объясняется то разнообразие форм церковного устройства, какое отличает одну поместную автокефальную церковь от другой, при единообразии их в составе, распределении по степеням и формам приложения полномочий священной власти и при сходстве в основных канонических учреждениях)

или органахъ самой церковно-правительственной власти. Такъ, въ каждой помѣстной православной церкви священная власть осуществляется неизмѣнно тремя степенями священной іерархіи: епископомъ, пресвитеромъ и діакономъ, при чемъ распределение между ними полномочій этой власти точно также совершенно одинаково. Можно наблюдать затѣмъ сходство и въ основныхъ типахъ церковно-правительственныхъ формъ устройства помѣстныхъ церквей, такъ какъ въ основѣ правительственной организациі каждой лежитъ раздѣленіе всего церковнаго управленія на два вида: *епархіальное* во главѣ съ епископомъ и *окружное*, непременно *соборное*, при чемъ во главѣ собора стоятъ или патріархъ, или экзархъ, или митрополитъ, или архіепископъ. Но въ частности организациі учрежденій окружныхъ и епархіальныхъ разнообразится и составомъ лицъ и особенными формами отправленія вѣреннаго имъ служенія, тѣмъ не менѣе и это разнообразіе можно подвести подъ опредѣленное число характеристическихъ *формъ* церковно-правительственной организациі. Такихъ формъ и въ историческомъ и настоящемъ положеніи помѣстныхъ православныхъ церквей авторъ находитъ нѣсколько. Такъ, въ епархіальномъ управленіи авторъ различаетъ: *епископально-общинную*, *епископально-клерикальную* и *епископально-консисторіальную* формы. Въ окружномъ управленіи—*снодальную* съ подраздѣленіями ея на *патріаршую*, *экзархическую митрополитскую*, *снодально-національную* и *снодально-государственную*. Обзорнiю и характеристикѣ всѣхъ этихъ формъ авторъ и посвящаетъ вторую часть своего труда.

Епископально-общинную форму устройства церкви авторъ указываетъ въ организациі церкви Христовой за первые III вѣка ея существованія на землѣ. Дѣлая характеристику этой формы, авторъ, въ подтвержденіе вѣрности своихъ сужденій объ идеальной стройности и цѣлостности ея, дѣлаетъ ссылку на то мѣсто изъ посланій Игнатія Богоносца, гдѣ святой отецъ совѣтуетъ Ефесянамъ продолжать составлять стройный гармоничный хоръ подъ высшимъ руководительствомъ своего епископа.

Епископально-клерикальная форма заняла мѣсто первой и, просуществовавъ въ греческой церкви до паденія политической независимости, была перенесена и въ славянскія земли. Характеризуясь изолированно-высокимъ положеніемъ іерархіи, чрезмѣрнымъ развитіемъ количества должностныхъ лицъ въ клирѣ и полнымъ устраненіемъ вѣрнаго народа отъ дѣлъ церковнаго управленія, форма эта, какъ носившая въ себѣ зачатки саморазложенія, исчезла безслѣдно. Нужно замѣтить, что повсемѣстно возсталъ противъ этой формы тотъ самый народъ, котораго она не признавала дѣятельнымъ членомъ церкви. Правда, что стараясь сдержать развитіе и преобладающее значеніе клерикальной аристократіи, народъ нерѣдко какъ, напримѣръ, въ Австро-Венгріи), самъ вступалъ на ея мѣсто, самъ захватывалъ ея полномочія, но какъ бы то ни было форма эта, съ свойственными ей темными сторонами, была отвергнута.

Епископально-консисторіальное устройство рѣзче всего проведено въ нашей отечественной русской церкви. Поэтому авторъ останавливается здѣсь съ большею подробностію. При этомъ авторъ не ограничивается характеристикой этой формы

на основаніи извѣстныхъ уже данныхъ, но и приводитъ нѣкоторые интересные документы, извлеченные имъ изъ архивовъ приходскихъ церквей Ярославской епархіи. Таковы четыре указа половины и конца XVII столѣтія по дѣламъ суднымъ. Жаль, что авторъ не воспользовался здѣсь такимъ важнымъ источникомъ, какъ, «Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Синода». Изученіе этого источника не только дало бы ему обильный матеріалъ для тѣхъ или другихъ выводовъ, но, быть можетъ, измѣнило бы нѣкоторые изъ тѣхъ, которые имъ сдѣланы. Такъ, едва ли бы онъ такъ категорично заявилъ, что въ XVIII вѣкѣ міряне подлежали суду духовному за обиды, причиненныя духовенству и монашеству. И еще замѣтимъ, что авторъ, сравнивая положеніе духовнаго суда XVIII вѣка съ нынѣшнимъ, дѣлаетъ нѣсколько невѣрныхъ заключеній, что объясняется, какъ это ни странно, неполнымъ знакомствомъ его съ дѣйствующимъ уставомъ духовныхъ консисторій. Такъ, на стр. 213 онъ, доказывая, что компетенція духовнаго суда въ XVIII вѣкѣ была шире, между прочимъ говоритъ, что духовному суду, вплоть до изданія Судебныхъ Уставовъ 1864 г., подлежали спорныя гражданскія дѣла о постройкахъ на церковныхъ земляхъ. Между тѣмъ и по дѣйствующему Уставу (изд. 1883 г.) эти дѣла подлежатъ тому же духовному суду, если касаются членовъ причта (197 ст.). Далѣе, находя, что въ прошломъ вѣкѣ епархіальный судъ имѣлъ большую внутреннюю силу, авторъ въ подтвержденіе этого говоритъ, что тогда архіерей «собственною властію безъ синодской ревизіи приговаривалъ священниковъ и діаконовъ къ совершенному лишенію священства»... Но тою же самою властію архіерей пользуется и нынѣ, такъ какъ дѣла о лишеніи сана восходятъ на утверженіе Святѣйшаго Синода *только* въ случаѣ принесенія апелляціонныхъ жалобъ со стороны обвиняемыхъ. Нѣтъ этихъ жалобъ—рѣшеніе приводится въ исполненіе вполне самостоятельно (ст. 171). Въ заключеніе этого отдѣла авторъ даетъ проектъ реформы суда духовнаго, обратившей на себя вниманіе органовъ печати (См. разборъ сего проекта въ № 16 «Церковнаго Вѣстника» за текущій годъ).

Въ окружномъ управленіи съ IV вѣка авторомъ отмѣчается *синодально-митрополитская* форма, обязанная своимъ установленіемъ 1-му вселенскому собору. Форма эта въ Греціи перешла въ *синодально-патріаршую* форму, а въ земляхъ славянскихъ и особенно въ Россіи—въ формы *синодально-патріаршую* и затѣмъ *синодально-государственную*. Какъ переходную ступень между *синодально-митрополитской* и *синодально-патріаршей* формами авторъ отмѣчаетъ *синодально-экзархескую* форму. Здѣсь автору приходится рассмотреть вопросъ, когда и кѣмъ установлена должность экзарха и что такое была эта должность? Приведа на этотъ счетъ мнѣнія канонистовъ: преосвященнаго Іоанна, Т. В. Барсова и Н. С. Суворова, признающихъ терминъ „экзархъ“ равнозначущимъ термину «патріархъ», авторъ высказываетъ, присоединяясь къ мнѣнію проф. А. С. Павлова, свои соображенія въ пользу того, что экзархъ была особая, совершенно самостоятельная должность, просуществовавшая въ восточной церкви съ конца IV вѣка до конца VI вѣка.

Синодално-патріаршая форма, по мнѣнію автора, представляетъ собою «и болѣе совершенную форму организаціи высшаго помѣстнаго церковнаго управленія, утвердившуюся на чисто церковной почвѣ, путемъ долгаго жизненнаго опыта и мудростно-каноническаго законодательства». Такъ какъ она предполагаетъ довольно обширную помѣстную церковь съ многочисленною іерархією, то обыкновенно въ православныхъ славянскихъ церквахъ стремленіе къ ея введенію обнаруживалось въ моменты наивысшаго подъема церковно-національнаго духа. «Даже и въ настоящее время, утверждаетъ авторъ, можно быть увѣреннымъ, что возстановленіе у насъ патріаршества было бы встрѣчено всеобщимъ сочувствіемъ...

Патріаршая форма просуществовала у насъ до Петра Великаго и замѣнена имъ *государственно-синодалною* формою. Вводя эту форму, Петръ придалъ церковному управленію государственный характеръ; Святѣйшій Синодъ явился правительственнымъ учрежденіемъ наряду съ Сенатомъ, чрезъ что получились нѣкоторыя выгоды, но явились и нѣкоторыя неудобства; члены Синода въ одно и то же время сдѣлались представителями и Государя и церковной іерархіи. Но мало по малу это раздвоеніе исчезло, и теперь члены Синода—представители всей іерархіи русской церкви, а Оберъ-Прокуроръ Синода, принявшій на себя, съ 1824 г., всю власть министра духовныхъ дѣлъ, съ подвѣдомственными ему исключительно чиновниками и учрежденіями,—представитель Государя въ церковныхъ дѣлахъ. Государственно-Синодалная форма, кромѣ Россіи, существуетъ въ королевствѣ греческомъ, а также въ церквахъ сербской, болгарской и румынской.

Синодално-національная система господствуетъ съ 1875 года въ сербской церкви Австро-Венгрии и имѣетъ парламентарный характеръ. Во главѣ управленія тамъ стоитъ «сербскій національно-церковный конгрессъ», состоящій изъ предѣдателя—патріарха Карловицкаго, его товарища—непремѣнно свѣтскаго, 6 епископовъ, 25 депутатовъ отъ духовенства и 50 отъ мірянъ. Этому конгрессу предоставлено разсматривать и рѣшать почти все дѣла по церковному управленію, кромѣ вопросовъ догматическихъ и исключительно духовныхъ. Отъ имени этого конгресса церковь управляетъ «комитетъ конгресса». То же самое начало парламентаризма проведено и въ епархіальномъ управленіи, такъ какъ здѣсь епископу противопоставлено «епархіальное собраніе»—конгрессъ въ миниатюрѣ, также съ своимъ комитетомъ и также съ преобладаніемъ мірянъ надъ лицами духовными.

Патріарше-національная форма церковнаго управленія существуетъ нынѣ въ константинопольской церкви. Всеми церковными дѣлами здѣсь управляютъ «священный синодъ» и «народный постоянный смѣшанный совѣтъ». Первый вѣдаетъ дѣла чисто духовныя; второй—финансовыя, церковно-хозяйственныя и гражданскія (въ предѣлахъ, отведенныхъ патріарху правительствомъ), а также участвуетъ въ избраніи и увольненіи патріарха. «Священный синодъ» состоитъ изъ патріарха и 12 митрополитовъ. «Народный постоянный смѣшанный совѣтъ», существующій съ 1764 года, состоитъ изъ 4 архіереевъ и 8 свѣтскихъ лицъ. Характеризуя эту форму, авторъ относится къ ней съ замѣтнымъ сочувствіемъ.

«Въ этой формѣ, говорить онъ, послѣдовательно проведенъ каноническій принципъ церковнаго управленія чрезъ іерархію и отведена достаточная сфера мѣ-
 ню и дѣятельному участию православнаго народа».

Таково содержаніе интересной книги г. Заозерскаго, уже давно обогащаю-
 щая литературу церковнаго права разнообразными, всегда живо написанными
 произведениями. Къ сожалѣнію, цѣна книги не указана.

Н. М.

+♦+

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

Н А

„Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата“.

Подписная цѣна:

на годъ 4 р., на полгода 2 р., съ пересылкой.

Подписка принимается при Тифлисской Духовной Семинаріи.
 Редакція проситъ поспѣшить **взносомъ платы за изда-
 ніе** о.о. благочинныхъ, внесшихъ деньги несполна отъ подвѣ-
 домственныхъ имъ церквей.

Содержаніе 13-го номера. Официальная часть: Высочайшія повелѣнія. Опредѣленія Святѣйшаго Синода. Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ. Приказъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода. Узаконенія и распоряженія правительства. Распоряженія епархіальнаго Начальства. Разрядной списокъ воспитанниковъ штатныхъ и приготовительныхъ классовъ Тифлискаго духовнаго училища, составленный по окончаніи годовыхъ испытаній, бывшихъ въ мѣсяцъ Маѣ 1891—92 учебнаго года. Разрядной списокъ учениковъ Горійскаго духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища послѣ годовыхъ испытаній, бывшихъ въ концѣ 1891—92 учебнаго года. Разрядной списокъ учениковъ Телавскаго духовнаго училища, составленный на основаніи годовыхъ и экзаменыхъ отѣтокъ за 1891—92 учебный годъ. Разрядной списокъ воспитанницъ Тифлискаго Епархіальнаго женскаго училища за 189¹/₂ учебный годъ. Неофициальная часть: Русское посольство въ Грузію 1637—1640 гг. Почему христіанская православная церковь, въ противоположность Католической и Протестантской, въ своемъ богослуженіи не допускаютъ музыки, а ограничивается однимъ только пѣніемъ? Извѣстія и замѣтки. Объявленіе.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Тихонъ*.

Печатать дозволяется. 27-го іюня 1892 г. Цензоръ, Протоіерей *Е. Елизъ*.

Типографія Е. Хеладзе, Саперная ул., соб. домъ.